

НАУКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*С.П. ЧЕРНОЗУБ***Институционализация философии
в российской модели университета
(Парадигма МИФЛИ)**

Философия как умонастроение возникает там, где человек осознает, что его мнение о действительности способно повлиять на качество жизни, пусть хотя бы одной-единственной. Там, где подобная установка становится характерной чертой общественного сознания, философия с необходимостью приобретает статус социального института. Поэтому формальная философская культура – своеобразный плод (и памятник) эпох интеллектуального драйва и свободы в любой национальной истории. Институциональная структура нашей философии также генетически восходит к периодам социального раскрепощения и свободных, самозабвенных мировоззренческих поисков¹. На первом из них (речь идет об освободительном движении в западноевропейских землях XVII в.) отечественная философия возникает как разновидность профессионального труда и учебная дисциплина; на втором (волна либеральных реформ XIX в.) – радикально трансформируется и приобретает оригинальность².

Почву для институционализации философии дает организационная структура образования³. У ее истока в нашей стране – учебные заведения, называемые православными коллежиями. Это плацдарм, с которого русская философия переходит затем в систему светского образования, в университет, а с последней трети XIX в. ее институциональное развитие практически полностью вливается в русло истории российского университета.

¹ О том, насколько массовой может быть потребность в подобных поисках, можно представить себе, например, призадумавшись над тем, почему философствующий лакей (Смердяков) в свое время никому не казался анекдотической фигурой.

² Подробнее об этом периоде см. [Чернозуб, 2001].

³ Здесь институциональная история философии своеобразно подтверждает гуманистическую традицию понимания взаимоотношений между образованием и философией, восходящую к платоновскому мифу о пещере. Оковы узника, находящегося в пещере (в неподлинном мире, где различимы лишь тени истинного бытия), настолько тяжелы, что мешают ему не то что выйти наружу, но даже повернуться к свету. Образование (по Платону – *пайдейя*) "означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе" [Хайдеггер, 1993, с. 350]. Выход в область подлинного бытия – не что иное, как превращение в философа, возможное лишь для того, кто сумеет освободиться из плена навязанных представлений о сущем. Таким образом, образование выступает условием существования философии, понимаемой как плод духовной свободы.

Современное положение отечественной университетской философии практически все исследователи оценивают как кризисное, но одни видят причину этого в особенностях философии, а другие – в природе самого университета (о том, насколько окружающая действительность индуцирует в людях токи интеллектуальной свободы и предприимчивости аналитики-институционалисты, как правило, не философствуют). Впрочем, для решения вопроса о том, не останется ли университетская философия в ближайшей перспективе лишь памятником славному прошлому, анализ ее институциональных проблем может дать немало.

В предельно обобщенном виде все претензии к философии сливаются в одну. Ей вменяется нечувствительность к интеллектуальным (духовным) запросам эпохи. А вот причины подобного несчастья объясняют по-разному. Например, тем, что энергия профессионального сообщества философов расходуется сейчас на внутреннее преобразование, на превращение его из совокупности "идеологических кадров" в нечто принципиально новое [Порус, 2008]. Иногда в российских проблемах видят проявление мировой тенденции к вырождению философии как института, производящего смыслы и эпистемические паттерны [Розов, 2002].

Причины кризиса находят и в неспособности современной модели российского университета составить достойную конкуренцию новым формам образования, например корпоративному университету [Ивахненко, 2008]. Впрочем, при всех своих достоинствах последний – порождение глобализации, и потому многие видят в нем средство распространения принудительных эпистемических дискурсов, угрозу национальным системам производства смыслов и ценностей. А это, в свою очередь, должно поднимать не только акции классической модели университета [Андреев, 2005; Отечественные... 2006], но и университетской философии. Ведь именно этой дисциплине Гумбольдтовский университет (это был официальный образец, по которому создавались университеты в России) отводил роль выразительницы национального духа, роль силы, определяющей структуру образовательного пространства в государстве.

Однако наша университетская философия, по всеобщему убеждению, находится в кризисе. Круг замыкается, и никакие призывы культивировать национальные модели образования не могут пока подвинуть философию к тому статусу, который закреплен за ней по определению. Ответ на вопрос, почему так происходит, в значительной мере дает анализ той модели университетской философии, которая подвергается в наши дни некоторым изменениям, но фактически восходит к парадигме МИФЛИ – Московскому институту философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского.

Подробности родословной

Формально МИФЛИ (до 1934 г. он назывался Московским историко-философским институтом) начинает свое существование с решения о расчленении Московского университета и создании на базе отторгнутых гуманитарных факультетов самостоятельного высшего учебного заведения. А через десять лет факультеты МИФЛИ решением Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Наркомпроса РСФСР снова были реорганизованы в соответствующие факультеты МГУ. На этом основании университетские историки и филологи рассматривают МИФЛИ как форму "инобытия" родных факультетов. Такой подход нашел отражение в исторических очерках, которыми указанные факультеты снабдили свои официальные сайты.

Философы, практически, поступают так же⁴, хотя для этого и приходится "редактировать" реальную связь исторических фактов. В действительности Московский уни-

⁴ МИФЛИ как учреждению, в недрах которого отрабатывались организационные формы деятельности советских философов, посвящено совсем не много специальных трудов. За исключением книг Ю. Шарاپова [Шарапов, 1995] и Б. Бирюкова [Бирюков, 2006], сведения разбросаны по работам мемуарного характера, а также по исследованиям, в которых история советской философии рассматривается в плане эволюции идей, а не институций.

верситет был не единственным прародителем и донором философского факультета МИФЛИ. Наряду с историко-философским факультетом МГУ, в акте его создания принимал участие Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН). В начале 1934 г. философское, а затем и историческое отделения этого университета были переданы в структуру МИФЛИ. В результате философский факультет МИФЛИ стал "крупнейшим философским вузом в стране" [Университеты... 1935]. В 1934–1935 учебном году в нем обучались 392 студента и 57 аспирантов.

Между тем Шарапов в своей книге упоминает о КУПОНе лишь одной фразой, а Бирюков не уделяет ему и такого внимания. Может быть, причиной подобного обхождения является недостаток источников: КУПОН мало известен, скорее всего, потому, что формально существовал очень недолго (с 1932 по 1934 г.). Однако если вспомнить, что он был одной из бюрократических реинкарнаций Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (АКВ), то станет ясно, в МИФЛИ к философам пришло пополнение из членов коллектива, имеющего немалую, по тогдашним советским меркам, историю. АКВ была создана в 1923 г. на базе организованной в 1919 г. Академии социального воспитания, так что к 1934 г. она (под разными названиями) существовала уже 15 лет. С ней связаны имена влиятельных деятелей советской философии. Например, в должности заместителя директора там работал М. Митин; окончили АКВ, а затем аспирантуру при КУПОНе М. Иовчук и В. Кружков.

Требуется серьезная исследовательская работа, чтобы установить, как складывался единый коллектив философского факультета МИФЛИ в процессе взаимной "притирки" двух команд: пришедших из Московского университета и "купоновцев". Есть некоторые основания полагать, что это дело продвигалось нелегко. Так, Бирюков, приводя воспоминание В. Соколова о том, что в 1936–1937 гг. на философский факультет не производился набор студентов, высказывает предположение, будто именно в этот период факультет в результате репрессий обезлюдел настолько, что студентов попросту некому было учить⁵. Сведения о таких репрессиях имеются в воспоминаниях М. Ковальзона [Бирюков, 2006, с. 12].

Кстати, именно перед этим странным периодом – в 1935 г. – деканом философского факультета назначают А. Гагарина. Он появляется внезапно – из какого-то совхоза, где до этого работал начальником политотдела [Платонов, Недзвецкая, 1999]. Может быть, и в самом деле основательно поредел в тот момент преподавательские кадры? Может быть, до зарезу нужен был "варяг", равноудаленный от всех существующих на факультете группировок?

Я не имею документальных подтверждений высказанным догадкам, однако пока довольно и того, что подобные предположения не лишены оснований. Гипотетические противоречия среди философов МИФЛИ в контексте данной статьи представляют интерес лишь в качестве иллюстрации, внешнего выражения того конфликта, в существовании которого сомневаться не приходится. Дело в том, что организации – основатели философского факультета МИФЛИ олицетворяют две противоположные тенденции в институциональном развитии гуманитарного (и, прежде всего, философского) образования и науки в России. Я имею в виду конфликт между тенденциями, представляющими философскую деятельность (по преимуществу) либо научной, либо просветительно-воспитательной.

Г. Шпет отнесил формирование этого конфликта еще к концу XVIII–началу XIX в. Русское "просвещение" как идея формируется в рамках проекта модернизации, европеизации страны. Оно ориентировано на усвоение и использование истины уже где-то и кем-то добытой, и потому, к несчастью (хотя и из благих побуждений), становится препятствием на пути к развитию собственной мысли, собственных научных поисков. Таким "просвещением", полагал Шпет, мы "забаррикадировали себя от серьезной нау-

⁵ Соколов, правда, высказывает другое предположение: приема не было, поскольку не было достаточного числа молодых людей, имеющих необходимую подготовку и рекомендации (см. ["Чтобы..."]).

ки и от философии" [Шпет, 1989, с. 40]. А поскольку "главным европейцем" и модернизатором изначально выступала российская власть, "просвещение" народа то и дело сбивалось на методы его идеологической обработки⁶.

В начале XIX в. "профессора, и в особенности профессора философии, подвергались самой глупой цензуре, и их жалкое преподавание должно было протекать в атмосфере доносов, преследований и нелепых указаний на истинное направление, которого они должны держаться" [Шпет, 1989, с. 43]. Это написано в 1922 г. Фраза настолько полна непосредственного чувства, что ее одной достаточно для понимания и того, что конфликт между двумя указанными выше тенденциями не остался достоянием XIX в.⁷, и того, на какой стороне в нем находился автор "Очерка развития русской философии".

Шпет, разумеется, выражал те представления о философии, которые при рассмотрении истории МИФЛИ естественно ассоциировать с наследием Московского университета, а не КУПОНа. Впрочем, в 1922 г. еще могли теплиться надежды на то, что удастся отстоять "атмосферу полной свободы преподавания наук и проведения взглядов и идей всякого направления"⁸. К началу 1930-х гг. ситуация была принципиально иной. Но, несмотря на ту череду организационных экспериментов и идеологических чисток, развернутых впоследствии, Московский университет оставался полигоном, на котором отрабатывалась оптимальная для большевиков форма отношений с высшей школой как с социальным институтом, в функции которого входит исследовательская работа, подготовка профессионалов и просвещение.

Отмечу, что реформаторский энтузиазм большевиков по отношению к философии был в некотором смысле особенно опасен. Дело в том, что фактически до начала XX в. говорить о философских школах, традициях, о корпоративной культуре философского сообщества можно лишь как о более или менее успешных начинаниях, нередко погибавших, по словам Шпета, не доходя даже до стадии "зародыша". Более или менее систематические занятия философией начинаются в российских университетах лишь с последней трети XIX в. (студентам ее предлагали в качестве факультативной или общеобразовательной дисциплины). Статус же полноценной университетской науки она приобрела только в 1906 г., когда впервые началась подготовка студентов по специальности "философия". Другие "словесно-исторические" науки, хотя и имели в России непростые судьбы, все-таки получили этот статус значительно раньше и потому имели несколько большую легитимность в глазах реформаторов. Косвенно об этом свидетельствует, например, то, что в списках высылаемых за границу представителей интеллигенции философы С. Франк, Н. Бердяев и др. значились не как профессора, а как литераторы. Во всяком случае, только философия "удостоилась" официальных сомнений в праве на существование, и лишь ее покушались отправить "за борт" как таковую, не делая исключения даже для ее марксистского варианта⁹.

Философия и "университетский вопрос"

В значительной мере судьба философии зависела на тот момент от общего решения так называемого университетского вопроса. И методы, и сам "университетский

⁶ В настоящей статье идеологическая нагруженность фактически выступает главной характеристикой педагогико-просветительских проектов реформирования университетской философии. Поэтому далее термины "просвещение" и "идеологизация" иногда используются как взаимозаменяемые.

⁷ И в наши дни энтузиастов агрессивного "просвещения" при случае отыскать несложно. Например, достаточно активны в этом отношении молодые философы, окормляемые Фондом эффективной политики. Так что пламя старого конфликта до сих пор не приходится считать вполне укрощенным.

⁸ Приведенная цитата – фрагмент резолюции Всероссийского совещания по высшей школе 8–14 июля 1918 г., в котором принимали участие и философы из Московского университета [Павлов, 2003].

⁹ О различных вариантах раннесоветского философского нигилизма см. [Коган, 2002].

вопрос" в целом большевики получили от своих политических предшественников, причем в болезненно острой форме. О глубине конфликта между правительством и представителями университетов, а также о его общественном резонансе можно судить хотя бы по тому факту, что в период с 1900 по 1917 г. в России сменилось 13 (!) министров народного просвещения.

Главным источником разногласий были представления об организационном статусе русского университета. С одной стороны, образцовой признавалась модель исследовательского университета, предполагавшая достаточно широкую университетскую автономию. Под влиянием идей В. Гумбольдта она стала формироваться в Европе со второй трети XIX в. С другой стороны, несмотря на то, что германская система образования признавалась эталонной, правительство всеми силами пыталось удержать университеты в статусе присутственных мест, под полным контролем со стороны государства. Так еще в 1870-х гг., на волне отката от либеральных завоеваний, зафиксированных в университетском уставе 1863 г., была выдвинута задача формирования консервативно настроенной интеллектуальной аристократии.

Наилучшим средством для решения этой задачи было признано классическое образование. Только изучение греко-римских древностей, утверждали сторонники проекта, формирует высшую дисциплину ума и возвышенный образ мыслей. Находились, разумеется, ехидные скептики, которые сомневались в том, что "нельзя быть ни отличным финансистом и политико-экономом, ни инженером, ни полководцем и проч., не убив своей юности на изучение греческих спряжений, склонений и синтаксиса" [Никитенко, 2005, с. 347]. Но, поскольку благонадежность считалась важнее всяких специальных знаний, решено было направить развитие университетов в русло не столько научной, сколько педагогической деятельности. Кстати пришлось и хронический дефицит преподавателей древних языков в гимназиях.

В видах расширенной подготовки "классиков" вводились ограничения на научную и педагогическую деятельность в области других общественных наук – философии, истории права, даже отечественной истории. Фактически студентов пытались максимально оградить от ученых, исследующих проблемы современного общества. Последних, и прежде всего философов, вытесняли в факультативы, в кружковую жизнь, в журналистику, в литературу и т.п. В ряде случаев вольнодумствующего профессора могли попросту уволить "без прощения", что влекло за собой запрет на возможность заниматься государственной службой¹⁰.

Следует отметить, что "классическим" проектом предполагалась дискриминация общественных наук (историко-филологических и юридических факультетов) как потенциально неблагонадежных по сравнению с естественно-математическими дисциплинами¹¹. Впрочем, быстро развивающиеся специальные учебные заведения представлялись более благонадежными, чем университеты в целом. Право поступать в университет, а с ним возможность получения дворянства и доступ к административной карьере, имели только выпускники классических гимназий. Реальные и коммерческие училища такого права не давали. Эта практика одновременно подчеркивала аристократический статус университетского образования и давала возможность поощрять плоский утилитаризм и презрение к общественным теориям представителей *полезных*

¹⁰ Так, в 1870-х гг. был, в частности, уволен юрист и социолог М. Ковалевский. В резолюции министра просвещения по поводу его увольнения сказано: "Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом" (цит. по [Щетинина, 1976, с. 177]).

¹¹ Например, за "украинофильство" историк М. Драгоманов был изгнан из университета не просто "без прощения", но еще и с запретом проживать в украинских губерниях, а также в столицах [Лейкина-Свирская, 1971, с. 193–194]. Географ А. Клоссовский за это же поплатился лишь проволочкой с утверждением в должности доцента [Щетинина, 1976, с. 176].

наук. Так возводились дополнительные перегородки между различными группами растущего образованного сообщества.

Подчеркну, что царское правительство не имело возможности совсем уж безудержно насаждать благонамеренность за счет науки. Этому противодействовали, с одной стороны, либеральная профессура¹², а с другой – профессиональный уровень и личная порядочность многих консерваторов. Так, в попытках "подморозить" ситуацию было упущено время, и в разгорающийся политический кризис 1900-х гг. страна вошла, не имея профессиональных публичных политиков и экспертов-обществоведов¹³, а университеты – без спасительного якоря традиций корпоративного существования. Неудивительно, что университеты и правительство не смогли ни выступить сообща, ни поврозь совладать с разгоряченной толпой, которая собиралась в аудиториях на митинги.

В чехарде сменяющих друг друга министров просвещения, каждый из которых пытался предложить свою программу, особого внимания заслуживает Л. Кассо, которого небезосновательно считали непосредственным вдохновителем политики большевиков в области образования¹⁴. Чаще всего об этом министре вспоминают в связи с неслыханным до него размахом полицейского и административного вмешательства в дела высшей школы. Самый известный пример его деятельности – разгром Московского университета в 1911 г. Тогда из него были исключены свыше тысячи студентов, после чего в знак протеста около 130 представителей профессорско-преподавательского состава во главе с ректором подали в отставку. Кроме того, при Кассо, как никогда широко, использовался и прием перемещения преподавателей из столичных университетов в провинциальные по политическим мотивам. Ему также принадлежит идея бороться с либеральным духом российских университетов путем переноса центров подготовки профессуры за границу в полностью подконтрольные правительству учебные заведения в Париже, Берлине, Тюбингене и Карлсруэ.

Таким образом, большевики сразу после революции не нуждались ни в изобретении новых методов политического влияния на общественные науки в высших учебных заведениях, ни даже в особых оправданиях для своей административной бесцеремонности. "Неслыханная по своему масштабу попытка институционализации, огосударствления философии" [Коган, 2002], направленная на обоснование "пролетарской идеологии" и воспитание "рабоче-крестьянской интеллигенции", была вполне подготовлена предшествующими усилиями по созданию "консервативной умственной аристократии".

Сначала (до 1921 г.), судя по предпринимаемым действиям, правительство большевиков рассчитывало посредством нескольких решительных маневров не только резко увеличить воспитательно-пропагандистскую составляющую деятельности универси-

¹² Редактор Журнала Министерства народного просвещения А. Георгиевский высказался по этому поводу так: "Пока не переколют все профессора, прошедшие в университет на основании устава 1863 г., до тех пор новый устав не будет применен во всех подробностях" [Лейкина-Свирская, 1971, с. 196].

¹³ "Разве мы не видим и теперь вокруг себя, в минуты переживаемых испытаний, что даже среди русского, так называемого образованного общества, распространено удивительное незнание по части элементарных сведений об устройстве государства и его функциях, об отдельных проявлениях государственной жизни, о задачах ее, о заветах и уроках своей собственной истории? Все это спутано, сумбурно, воспитывается какими-то случайными брошюрами, разговорами в гостиных", – так говорил А. Кони на заседании Государственного совета 16 июня 1908 г. (цит. по [Шноль, 2000, с. 95]).

¹⁴ «Основное преступление старого русского режима против науки заключалось в том, что он не дал у нас возможности укорениться научной традиции, трактуя ученых как чиновников самодержавной власти. В свою очередь, и "советская власть" пожелала сделать из профессоров и академиков "своих" чиновников и лакеев. Неоднократно уже отмечалось, что большевики в министерстве народного просвещения буквально копировали приемы Кассо... не обладая, однако, его знаниями, почерпнутыми из заграничных университетов. Бесцеремонность Кассо вытекала из его презрения к русским людям, а большевики заменили его презрением ко всем "буржуям"» [Изгоев].

тета, но и вообще решить университетский вопрос. Декрет СНК от 2 августа 1918 г. позволял каждому, кто достиг 16 лет, независимо от гражданства, пола и уровня образования, вступать в число слушателей любого высшего учебного заведения. Фактически текст этого декрета воспроизводит положение о порядке приема слушателей в Открытый университет, организованный по инициативе А. Шанявского [Положение... Собрание...]¹⁵. Из этого следует, что декрет представлял собой попытку в одночасье превратить все университеты России в просветительно-педагогические учебные заведения, невзирая на то, что основные из университетов, и разумеется Московский, развивались в направлении, задаваемом не просветительской, а исследовательской моделью.

К тому же через два месяца были отменены все ученые степени и звания, за исключением звания "профессор". Его получал теперь (и в этом особенность большевистского подхода к просвещению) всякий, кто был способен самостоятельно вести занятия. Таким способом предполагалось отменить привилегию эксплуататорских классов на получение высшего образования (фактически – передать ее представителям других классов), а также обеспечить идеологический контроль над университетской жизнью путем производства в профессора более или менее подготовленных марксистов.

Правда, пока исход гражданской войны еще не был ясен (да и марксистскую философию как теоретическую дисциплину еще требовалось создавать, а вместе с ней – и необходимое количество благонадежных преподавателей), большевики не свирепствовали. Они не хотели настраивать против себя ученых, симпатизирующих революции и ожидающих от нее дальнейшего развития академических свобод. К тому же, позиционируя себя в качестве приверженцев подлинно научного мировоззрения, они были в какой-то мере ограничены собственной риторикой.

Поэтому до поры до времени университетское сообщество, ориентированное на идеал исследовательского университета и, соответственно, на развитие научной философии, могло сопротивляться псевдомемократическим начинаниям в духе упомянутых выше большевистских декретов. Во-первых, университетские профессора не желали опускать планку предъявляемых к студентам требований и по-прежнему готовили будущих философов к научному поприщу. Во-вторых, уровень профессиональных требований, предъявляемых профессорам, оказалось невозможно изменить в одночасье. Первый конкурс на замещение профессорских должностей, целью которого было ограничение числа преподавателей, имевших большой дореволюционный стаж, не дал результатов. Практически все вакансии на 1 января 1919 г. были заняты квалифицированными старыми кадрами [Козлова, 1997]. Среди философов Московского университета также не произошло выгодных большевикам изменений. Несмотря на явно выраженное стремление власти к преобразованию учебного процесса "на началах новой педагогики и социализма", до 1921 г. занятия на философском отделении продолжались по старым учебным планам силами старых профессоров [Павлов, 2003].

Философия и большевистское решение "университетского вопроса"

Оценив то, что университетская научная традиция в нашей философии, пусть и очень юная в то время, сумела выработать некоторый иммунитет к разрушающим воздействиям, большевики решили, по крайней мере, ограничить ее влияние на студентов. Не осмеливаясь открыто пойти по пути, проложенному еще Николаем I, – закрытию философских кафедр, они прибегли к традиционному обходному маневру – попытались разделить собственно научную и просветительно-преподавательскую деятельность. В 1921 г. сильно сокращенным составом преподаватели-философы были переведены на факультет общественных наук (ФОН), где собственно по философии

¹⁵ При этом для обеспечения качественной популяризации достижений науки к преподаванию привлекались лучшие ученые страны.

студентов уже готовить не собирались. Им читали лишь несколько общеобразовательных философских курсов. Научная же деятельность, как предполагалось, должна была сосредоточиться в Институте научной философии, который организовывался "при ФОНе". Попытка Шпета организовать при Институте специальные занятия со студентами захлебнулась под натиском репрессий, вытеснивших из университета самых выдающихся ученых.

Гражданская война заканчивалась, и победители не собирались гуманно дожидаться, когда профессора старой закалки "переколеют" сами по себе. Их административное бесчинство не ограничивали теперь ни политическая конъюнктура, ни тем более уважение к науке или чувство корпоративной университетской солидарности. Да, их политика в области образования была подготовлена предшественниками, но (сравнение А. Изгоева) подготовлена в том же смысле, в каком преступление, совершенное Смердяковым, было подготовлено нигилизмом его образованного брата Ивана Карамазова.

В июне 1922 г. Ф. Дзержинский направляет в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку "Об антисоветских группировках среди интеллигенции". В ней "университетский вопрос" уже интерпретирован со смердяковской решительностью: «Как студенчество, так и антисоветская профессура в высших учебных заведениях ведут контрреволюционную работу главным образом в двух направлениях: а) борьба за "автономию" высшей школы и б) за улучшение материального положения профессуры и студенчества. Борьба за "автономию" как в кругах активного антисоветского студенчества, так и профессуры имеет, в сущности, цели исключительно политические, направленные против влияния в высшей школе коммунистической партии и классового принципа в школе... Сознавая свою силу (благодаря малому количеству красной профессуры), контрреволюционные элементы в высшей школе создают благоприятную почву для воспитания студенчества в антикоммунистическом и в антисоветском духе... Борьба за улучшение материального положения профессуры и студенчества, точно так же, как и борьба за "автономию", используется антисоветскими элементами вуз[ов] в качестве орудия политической борьбы. Последнее обстоятельство как нельзя лучше вскрылось в недавних забастовках в высшей школе (в Моск[овском] университете, Высш[ем] технич[еском] училищ[е] и проч.). ГПУ получены сведения, что московская профессура, руководимая "объединен[ным] советом профессоров", готовится новую забастовку на экономической почве... Положение в высшей школе требует принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры» [Очистим... 2003].

Этот текст свидетельствует о том, что к лету 1922 г. в стране уже существовала профессура, которую не волновала проблема университетской автономии¹⁶ и, по всей видимости, не испытывавшая материальных лишений. Большевики, подобно Кассо, считали целесообразным готовить преданных режиму профессоров вне стен русских университетов, правда, делали это не за границей. В октябре 1921 г. был открыт Институт красной профессуры. Кроме него, существовал ряд коммунистических академий, возникших на базе краткосрочных курсов для подготовки армейских агитаторов. Так, посредством слияния подобных курсов с двумя московскими педагогическими институтами сформировалась и Академия коммунистического воспитания – один из непосредственных предшественников МИФЛИ.

¹⁶ «В 1920–30-е годы в советской литературе университетская автономия получила исключительно негативную оценку. Речь шла о "пресловутой автономии высшей школы". Она объявлялась лозунгом банкиров и крупных помещиков, которые использовали ее в своих классовых целях, "идеалистическим фетишем", который лишен конкретного смысла. Если же автономия и упоминалась в историческом контексте, то делался вывод о том, что эта форма отжила вместе со старым университетом – "подлинным детищем феодально-помещичьего строя» [Посохов, 2005. с. 119–120].

Главной ценностью подобных вузов, с точки зрения большевиков, был контингент слушателей: в АКВ принимались "коммунисты со средним образованием и партстажем от 2 до 5 лет (в зависимости от отделения); в некоторых случаях принимались члены РКСМ и кандидаты в члены ВКП(б), в отдельных случаях условием поступления был и определенный опыт педагогической работы" [Педагогическая...]. При создании Академии предполагалось, что при ней будут организованы и научно-исследовательские подразделения (институты), однако с 1922 г. АКВ была переориентирована на подготовку педагогических кадров.

Между тем в Московском университете после репрессий и постоянных организационных преобразований к 1923 г. также не осталось ни одного преподавателя философии, не разделяющего марксистских взглядов, и на протяжении 1921–1931 гг. в нем не было осуществлено ни одного выпуска специалистов-философов [Павлов, 2005]. "Университетский вопрос", звучавший применительно к судьбе отечественной философии как вопрос о соотношении исследовательской и просветительской тенденций, был решен в пользу последней. В более мелких, по сравнению с Ленинградом и Москвой, университетах ситуация с общественными науками развивалась проще и откровеннее: "Историко-филологические факультеты при Нижегородском (теперь Горьковском), Саратовском, Томском, Казанском и Северо-Кавказском университетах были преобразованы в 1921–1922 гг. в факультеты общественных наук, а затем волились в педфаки" [Университеты... 1935]. Шпет сказал бы: "Попали под бичи отечественного просвещения" [Шпет, 1989, с. 41].

Философия в "институте университетского типа"

В начале 1930-х гг., сознавая нарастание военной угрозы, большевики вынуждены были пойти на ряд мер, улучшающих возможности университетов по подготовке высококвалифицированных специалистов. Волей-неволей пришлось признать значение теоретической науки и попытаться восстановить связь между научной и преподавательской деятельностью. Правда, глубокомысленная критика сложившейся практики уделения "совершенно недостаточного времени для теоретической подготовки университетского специалиста" относилась преимущественно к естественно-научным и физико-математическим специальностям.

Допустив некоторый уровень интеллектуальной свободы для студентов и исследователей в области этих наук, большевики не решились даже позволить обществоведам дышать с ними одним воздухом (находиться под одной крышей). Созданный было в Московском университете (январь 1931 г.) историко-философский факультет менее чем через полгода был преобразован в самостоятельный институт. Реанимация исследовательской модели университета для обществоведов, таким образом, фактически ограничивается созданием неологизма "институт университетского типа", поскольку к подлинной исследовательской работе их никто не собирался допускать. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует учебный план философского факультета МИФЛИ (одного из двух, наряду с ЛИФЛИ, "институтов университетского типа").

Этот документ, разработанный при переходе на пятилетний срок обучения в 1934–1935 гг., с некоторыми вариациями воспроизводился затем более 50 лет. В нем был "отражен тот поворот в сторону изучения конкретного материала, который намечен постановлением руководящих органов в отношении истории. В этих целях изучение специальных философских дисциплин строится на широкой базе конкретных наук: исторических, экономических, естественных" [Университеты... 1935]. В документе содержится поразительное количество аллюзий. Уже фраза о повороте в сторону изучения конкретного материала вызывает воспоминания о временах Кассо. Тогда в преподавании истории "предписано было особенно отмечать роль и значение отдельных выдающихся личностей, не уклоняясь в сторону исторических гипотез и теорий или шатких и научно не оправданных обобщений, например, в области социально-экономической" [Энциклопедический... 1994, с. 699]. За идеологически отфильтрованной

конкретикой множества разнообразных наук философам в МИФЛИ также было не до гипотез и обобщений: к 1936–1937 гг. для советской философии "догматическая структура была в основном выстроена" [Каменский, 2001, с. 166].

Отведение львиной доли времени на изучение истмата и диамата не сообщает особенной оригинальности новой организации учебного процесса и в сравнении с проектом создания "консервативной умственной аристократии". В обоих случаях университеты предполагалось сделать средством погружения общественной мысли в анабиоз. Только в царской России "подмораживать" мысль собирались с помощью классических древностей, а в СССР было оборудовано уже несколько идеологически безопасных "тропинок в прошлое". Кроме греков, дозволялись и некоторые классово близкие представители менее древней истории.

Словом, университетская философия в парадигме МИФЛИ была организована таким образом, чтобы постоянно воспроизводить в обществе "обстановку безучастия и безразличия, недоверия смыслу и ценностям" [Коржавин, 2007, с. 169] и тем самым склонять его к покорности. Собственно, в этом я вижу причину того, что наша университетская философия так не похожа на царственную дисциплину Гумбольдтовского университета. Можно ли сказать, что эта философия находится в кризисе?

Боюсь, до тех пор, пока в России не состоялось хотя бы одного поколения интеллигенции, не прошедшей университетской школы недоверия смыслу и ценностям, говорить о кризисе преждевременно, и парадигма МИФЛИ не останется невостребованной. То обстоятельство, что она имеет корни в далеких досоветских временах, свидетельствует, что в принципе запрос на нее может быть сформирован в рамках любой идеологии, если та становится безальтернативной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А. "Национальная модель" университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1–2.

Бирюков Б.В. Трудные времена философии. Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М., 2006.

Ивахненко Е. Российский университет перед лицом принудительных эпистем глобализации // Высшее образование в России. 2008. № 2.

Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции (<http://www.vehi.net/deprofundis/izgoev.html>).

Каменский З.А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001.

Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые "свердловцы", "соц. академики", "икалисты") // Вопросы философии. 2002. № 5 (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/phil.htm> – 25k–).

Козлова Л.А. Комплектование Института красной профессуры, 1920-е годы // Социологический журнал. 1997. № 4 (<http://www.NIR.ru/sj/sj/4kozlov.htm>).

Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Кн. 2. М., 2007.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. 1971.

Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 3. М., 2005.

Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры. СПб., 2006.

"Очистим Россию надолго". К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1 (<http://www.rusarchives.ru/publication/deportation.shtml>).

Павлов А.Т. Профессиональное философское образование в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 1.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917–1941 // Философские науки. 2003. № 9 (<http://www.philos.msu.ru/fac/history/pavlov/pavlov-1.html> – 48k –).

Педагогическая энциклопедия (<http://teacher-enc.info/pl-33.htm>).

Платонов Г.В., Недзвецкая Э.А. Полвека на службе высшей школе (кафедра философии ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова в 1949–1999 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1999. № 5.

Положение о Московском Городском открытом университете им. А.Л. Шанявского // Полное собрание законов Российской империи. Т. 28. № 30520.

Порус В.Н. Реформа вузовской философии как условие ее выживания // Высшее образование в России. 2008. № 2.

Посохов С.И. Уставы российских университетов второй половины XIX века в публицистике и историографии // Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. СПб., 2005.

Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002.

Собрание узаконений. 1908. 8 июля. Отд. I. Ст. 692 (http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn2_72.html).

Университеты и научные учреждения. М.–Л., 1935. (http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universitytety_narkompros_files/Universitytety_narkompros.html).

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

Чернозуб С.П. “Вина” интеллигенции и ее “покаяние” как факторы социальных реформ в России. Полуправда и полуистина популярной идеи сборника “Вехи” // Вопросы философии. 2001. № 7.

“Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно...” // Интервью с заслуженным профессором МГУ, профессором кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ В.В. Соколовым. Беседует доцент А.П. Козырев (<http://www.philos.msu.ru/fac/history/interv/sokolov-1.html>).

Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ. М., 1995.

Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М., 2000.

Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // *Шпет Г.Г.* Соч. М., 1989.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 12 т. Т. 5. Биографии. М., 1994.

© С. Чернозуб, 2008